следними каплями дня в гибельном самоотражении.
Закат в геометрической прогрессии окна магнетизирует взгляд недостоверностью прощания. Я на холсте прозрачно-каменной воды рисую мизинцем вселенскую память, и подноготная незнания становится верлибром на воде.
Снегоречь, снега речь застыла в полуслове зимних окон.
С какою жадностью сегодня хочет день обречь себя и снег на смерть в словооконных солнечных часах.

Поэзия – последний недостающий полюс недостоверности предела словозримости. Подтекст подломанный завтрашней призвученностью прижизненности словооза-

Молчание, задумчивость, часы стихов – царапины отсловности на циферблате книжного листа мироточат по-

рений взеркаленных в обочину черновика. Поля книги гостиница выснег холла ДА.

И почему-то этот день стремится выпомнить и перенять, секунда сдернутая с места севшей батарейкой.

За дверью циферблата саблезубый механизм беспечности обедненный графитной неоконностью дозагнутого к сердцу уголка души. Столярный горизонт приют снегостранничества. Мне ближе всех свет снегопоставленный в эмалевом окладе дальнего окна. Столярным

чале было прощание заката».

Моё прошествие сквозь обережье накипи от высловленной лени хранится в метрики шестикрылых снегов.

Нечто иное как уклонение от слововжития в глагол числозвучной действительности. Лю-

узлом перепроверено привязан вечер моего рождения и тененосная затекстовка дня: «В на-

бое покидание высот будто осенний листопропад или чисто-белопадение воды освобождает времявинительный взгляд души от геометрии всего земного. Мысль сердцекремневым карандашом отображенной нездешности расцарапала набросок прорези на типографском плоскозвучии в стремлении извлечь не просто свой черный квадрат обратной стороны последне-

го зеркала, а выдать то, что там застыло.
Поэт стремится предпрочесть все, что откроет крестообразный разрез избытка изнанки тектоники текста.

Дождь уронил в дорогу имя и пузырится на подошвах букв, амальгама подножного неба. Подльдиное цветозвучие поэтостороннего призвания.